

Е. В. Шишкина**Государственно-правовое регулирование образовательной деятельности старообрядцев Пермской губернии в XIX — начале XX века**

В статье анализируются меры государственно-конфессиональной политики Российской империи в отношении образования детей старообрядцев в XIX — начале XX века и их реализация в Пермской губернии. Сделан вывод о том, что вероисповедная политика государства в отношении образования детей старообрядцев была непоследовательной и претерпела на себе все колебания правительственного курса: от дискриминационных мер во второй четверти XIX века до смягчения политики властей во второй половине столетия. Делается вывод о малоэффективности запретительных мер государства в отношении учителей и школ старообрядцев, о некотором расхождении законодательства и его применения в Пермской губернии. Приводятся данные о численности учащихся старообрядцев в разных училищах Пермской губернии в начале XX века, которые свидетельствуют о том, что лишь небольшое число старообрядцев предпочитали обучение в государственных учебных заведениях традиционному домашнему образованию.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование, образовательная деятельность старообрядцев, старообрядческие школы, конфессиональная политика, Пермская губерния, старообрядчество.

В XIX — начале XX в. образовательная деятельность старообрядцев являлась важным направлением вероисповедной политики самодержавной власти. Для борьбы со старообрядческим расколом государство разработало систему мер, призванных ограничить возможности развития домашнего образования в среде старообрядцев. В связи с этим большое значение имеет обращение к изучению законодательных основ конфессиональной политики и ее реализации на региональном уровне. Ведь, несмотря на государственные ограничения, старообрядцам удавалось сохранять традиции домашнего обучения детей, что обеспечивало достаточно высокий уровень грамотности и способствовало укреплению конфессиональной идентичности в данной религиозной общности.

Проблема государственно-правового регулирования образовательной деятельности старообрядцев в XIX — начале XX столетия изучена недостаточно. В работах дореволюционных исследователей А. С. Пругавина [23], Ф. Е. Мельникова [16] этот вопрос был рассмотрен фрагментарно: описывались единичные случаи открытия школ и преследования властями учителей старообрядческого вероисповедания. В современной историографии отсутствует комплексное исследование данной проблемы. М. Н. Костинова [12] выделила и кратко охарактеризовала основные этапы вероисповедной политики Министерства народного просвещения в отношении обучения детей старообрядцев. В работах И. М. Севастьянова [30], С. В. Таранца [32] систематизированы законы, регулировавшие образовательную деятельность старообрядцев в XIX веке. В исследованиях Е. И. Титовой [33; 34], А. А. Машковцева и В. В. Машковцевой [14], И. В. Куприяновой [13] описаны региональные особенности реализации конфессиональной политики государства: рассмотрены практические мероприятия центральных и местных властей по борьбе с образовательной деятельностью в старообрядческой среде. В трудах историков не нашли достаточного отражения проблемы преследования властями учителей-старообрядцев, положения детей старообрядческого вероисповедания в общих учебных заведениях империи. История государственно-правового регулирования образовательной деятельности старообрядцев в Пермской губернии в XIX — начале XX в. практически не исследована.

Цель статьи — проанализировать основные меры государственно-правового регулирования образовательной деятельности старообрядцев в XIX — начале XX века и их

© Шишкина Е. В., 2021

реализацию в Пермской губернии. Задачами исследования являются описание законодательства о правах старообрядцев в области образования, анализ реализации мер профессиональной политики в Пермской губернии и выявление степени их соответствия законам, выявление и характеристика реакции старообрядцев на ограничение их прав в области образования в XIX в.

Источниковой базой исследования послужили документы Государственного архива Пермского края (фонд 65) и Государственного архива Свердловской области (фонд 43).

В период правления императора Александра I (1801—1825) вопросы правового регулирования образовательной деятельности старообрядцев практически не привлекали внимания правительства. О. П. Ершова объясняет это относительной либерализацией государственной политики в отношении старообрядцев в указанный период [9]. Примечательно, что старообрядцы даже подавали властям ходатайства с просьбами об учреждении училищ. Дореволюционный исследователь А. С. Пругавин писал, что подобные прошения были поданы петербургским поморским наставником Федором Петровичем Бабушкиным и купцом Мокием Ивановичем Ундзоровым. Историк отмечал, что эти ходатайства были удовлетворены, но школы не были учреждены по невыясненным обстоятельствам [23, с. 99].

Система государственно-правового регулирования образовательной деятельности старообрядцев в России начала складываться во второй четверти XIX века. В годы правления императора Николая I (1825—1855) границы веротерпимости в отношении адептов старообрядчества были существенно сужены, а организация обучения детей старообрядцев стала объектом вероисповедной политики государства. В соответствии с первым разделом устава 1832 г. «О предупреждении и пресечении преступлений против веры» старообрядцам запрещалось обучать детей в домашних школах и скитах. Власти рассматривали подобную деятельность как способ «совращения» детей в раскол [28, с. 13]. Наряду с ужесточением уголовного законодательства, преследовавшего религиозную деятельность старообрядцев, создавались специальные законы, регулировавшие сферу образования. Императорский указ от 14 мая 1832 г. «О недопущении раскольников на должности учителей и наставников юношества» накладывал запрет на обучение детей лицами старообрядческого вероисповедания [31, с. 342]. После издания этого указа власти закрыли школы старообрядцев в Москве, Риге [23, с. 100].

В 1836 г. Святейший Синод составил «Правила о первоначальном обучении под руководством духовенства поселянских детей, особенно раскольников». Согласно «Правилам», обучение детей организовывалось в доме одного из членов приходского причта. В школу предполагалось привлекать детей из старообрядческих семей, что, по мысли духовных властей, могло способствовать присоединению детей к господствующей церкви. В законе указывалось, что священники должны лояльно относиться к детям старообрядцев, обучающимся в школах для поселян, прививать им уважение к господствующей церкви. Учебная программа таких школ обеспечивала подготовку детей по таким предметам, как чтение, письмо, начальное наставление в православной вере. «Правила» допускали возможность обучения по старопечатным книгам, изданным в единоверческих типографиях [1, с. 319—321]. В. В. Керов отмечает, что в постановлении Синода от 1845 г. указывалось, что программа «школ для поселян» не удовлетворяла потребность старообрядцев в более обширных знаниях и умениях, которые эффективнее было бы получать в приходских и уездных училищах [11, с. 204].

Императорский указ от 28 ноября 1839 г. «О воспрещении выдавать раскольникам свидетельства на право обучения детей» устанавливал запрет на выдачу старообрядцам дозволенных актов на право домашнего обучения детей. В соответствии с указом

«раскольник, заблуждающийся в понятиях о вере, не может быть учителем» [26, с. 1556]. В этих условиях, чтобы получить свидетельство на право обучения детей, старообрядцы были вынуждены скрывать от властей свое вероисповедание либо преподавать скрытно в нелегальных школах.

Сохранялась тенденция ужесточения уголовного законодательства в отношении старообрядцев. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. содержались следующие виды наказаний за распространение раскола: лишение гражданских прав и ссылка на поселение [29, с. 53]. Наряду с ограничительными и запретительными мерами правительство пошло на уступки старообрядцам, дозволив им в 1847 г. обучаться в приходских и уездных училищах без предъявления метрических свидетельств [31, с. 390—391].

Таким образом, государственная политика в отношении образовательной деятельности старообрядцев в период правления императора Николая I носила преимущественно дискриминационный характер. Обучение детей в старообрядческой среде рассматривалось центральной властью как способ распространения раскола. Ограничивая образовательную деятельность в старообрядческой среде, правительство стремилось направить детей в государственные учебные заведения и тем самым интегрировать их в единое социокультурное пространство Российской империи.

Во второй четверти XIX века одним из крупнейших регионов старообрядчества в Российской империи являлась Пермская губерния. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел, в 1826 г. в регионе проживало 112 322 старообрядца обоего пола [1, с. 164—165]. Чиновник МВД Н. В. Варадинов отмечал, что статистические данные были неполными, потому что многие старообрядцы избегали записи в раскол, скрывались от местных властей [1, с. 158].

В 1826 г. для изучения состояния раскола в губернию был командирован чиновник особых поручений декабрист Степан Дмитриевич Нечаев. По итогам этой поездки им была подготовлена «Записка о сектах, существующих в Пермской губернии». Екатеринбургский историк В. А. Шкерин отмечает, что в «Записке» Нечаев выступал за развитие народного образования на Урале как необходимого условия для борьбы с невежеством и искоренения «раскольнических заблуждений» у местного населения. Нечаев предлагал допустить детей старообрядцев в общие училища с разрешением не изучать Закон Божий православного исповедания [36, с. 27—28].

Во время своей поездки С. Д. Нечаев вел дневник, который был опубликован в конце XIX столетия в журнале «Братское слово». В записи от 15 ноября 1826 г. он сообщал, что среди беглопоповцев, проживавших в Шарташских женских скитах вблизи Екатеринбурга, было много грамотных. Нечаев отмечал: «Вообще у них старательно учат читать друг друга, и все старообрядцы прилагают старание, чтобы детей своих обучить грамоте. Если бы и церковные следовали такому примеру, то менее из них переходили бы в старую веру». Нечаев считал, что образовательная деятельность старообрядцев являлась одной из причин распространения раскола в Пермской губернии [17, с. 743—744]. Рассуждая о способах ослабления старообрядческого раскола, чиновник предлагал учреждать особые училища или специальные отделения в губернских гимназиях для подготовки миссионеров [17, с. 752].

В дневниковой записи от 1 декабря 1826 г. Нечаев сообщал о том, что в Выйском заводе существовало училище, в котором дети изучали чтение и письмо, Закон Божий по общему Катехизису, священную историю, арифметику, риторику и логику, географию, историю и черчение планов. Степан Дмитриевич отмечал, что организация обучения оставляла желать лучшего, потому что «начальники (которые все из старообрядцев) пло-

хо смотрели за успехами». Нечаев записал в дневнике, что представители молодого поколения старообрядцев отличались от старших членов семьи меньшей приверженностью к старой вере и оставались в расколе из уважения к родителям [17, с. 827].

В 1840-е гг. в Пермской губернии власти проводили мероприятия, направленные на запрет старообрядцам часовенным заниматься обучением детей в скитах вблизи крупных заводов. В марте 1841 г. архиепископ Пермский Аркадий сообщал Главному начальнику Уральских горных заводов В. А. Глинке о том, что в Верх-Нейвинском заводе в женском скиту инокиня Елизавета обучала детей старообрядцев чтению. В. А. Глинка поручил заводскому исправнику провести расследование. В результате выяснилось, что инокиня уже более полугода детей не учила. Несмотря на это, с нее взяли официальную расписку о запрете на преподавание [7, л. 1—3].

Старообрядцы стремились организовать образовательную деятельность тайно от светских и духовных властей. Шарташские скитницы Александра и Минодора убеждали местных миссионеров в том, что дети временно гостили у них, а вовсе не изучали грамоту. В результате расследования заводской исправник выяснил, что скитницы действительно обучали детей. За нарушительницами закона устанавливался полицейский надзор [4, л. 1—1 об.].

Государственный запрет распространялся не только на обучение детей в скитах, но и на деятельность «домашних школ» старообрядцев. В этих школах обучением детей занимались миряне, так называемые «мастера» и «мастерицы», «учительные люди». Дети обучались чтению, письму и счету. В таких «школах» не было систематизированной программы и определенного времени обучения. В Нейво-Рудянском заводе дети старообрядцев часовенных обучались в нелегальной домашней школе под руководством «мастерицы» Пелагеи Лотошниковой. Единоверческий священник Сильвестр Машанов, посетив дом Лотошниковой, сообщил епископу Екатеринбургскому Мелхиседеку, что «мастерица» обучала детей чтению по Псалтыри. В «школе» обучалось 14 детей. Крайнее возмущение епархиальных властей вызвало обстоятельство обучения у Лотошниковой девочки Мелании, дочери приказчика Нейво-Рудянского завода Ивана Молодцова, и мальчика православного вероисповедания [5, л. 1]. По мнению епископа Мелхиседека, «раскольница развращала детей и только усиливала в них раскол». Он обратился к Главному начальнику Уральских горных заводов В. А. Глинке с просьбой о начале расследования дела старообрядки Лотошниковой в соответствии с Уставом «О предупреждении и пресечении преступлений против веры» 1832 г. По этому Уставу деятельность Лотошниковой классифицировалась как склонение детей в раскол. В итоге В. А. Глинка предписал исправнику запретить Лотошниковой обучать детей [5, л. 2].

Важную роль в борьбе с образовательной деятельностью в старообрядческой среде играли секретные совещательные комитеты по расколу. Первый секретный комитет был образован по указу императора Александра I в 1820 г. в Петербурге [10]. Расцвет деятельности секретных комитетов пришелся на время правления Николая I. В 1831 г. был создан Секретный совещательный комитет в Москве, а с 1838 г. подобные комитеты стали учреждать в губерниях. Создание комитетов было обусловлено необходимостью объединения усилий государства и Церкви для эффективного решения проблемы раскола. Распоряжение Министерства внутренних дел от 9 марта 1840 г. предписывало все следственные дела по расколу до их передачи в суд рассматривать в секретных комитетах [1, с. 427]. В комитетах были сосредоточены все дела об обучении в старообрядческой среде.

Деятельность комитетов можно рассмотреть на примере Екатеринбургского секретного совещательного комитета, учрежденного в 1845 г. В его ведении состояли Екате-

ринбургский уезд и горные заводы. В марте 1845 г. на заседаниях комитета обсуждался вопрос организации нелегального обучения в скитах вблизи Верхнетагильских заводов. Детей обучали инокини Алевтина и Асенефа. Комитет приказал исправнику выяснить, по какой причине было допущено это обучение, и запретить скитницам обучать детей грамоте, взяв с них официальную расписку об этом [6, л. 107—107 об.].

Екатеринбургский секретный совещательный комитет предписывал исправникам осуществлять надзор за старообрядцами и не допускать обучения грамоте детей в их домах. По мнению членов комитета, борьба с домашними нелегальными школами старообрядцев должна была способствовать соединению старообрядцев с Церковью [6, л. 34]. В 1845 г. секретный комитет постановил запретить домашние училища старообрядцев часовенных в Невьянском, Быньговском, Шайтанском, Ревдинском заводах [6]. Власти закрывали школы, а старообрядческим учителям запрещали обучать детей. Заводским исправникам предписывалось строго наблюдать за тем, чтобы старообрядцы впредь не учреждали подобные домовые училища. Для ослабления старообрядческого раскола секретные комитеты предпринимали просветительские меры. Екатеринбургский комитет 22 марта 1845 г. рассматривал вопрос об учреждении школы в с. Шарташ для обучения детей непременных работников Закону Божию [6, л. 20].

Все правительственные меры по пресечению образовательной деятельности старообрядцев на территории Пермской губернии во второй четверти XIX в. оказались малоэффективными. Несмотря на существование мер уголовного наказания за обучение детей старообрядцами, реальные мероприятия властей Пермской губернии были гораздо мягче и зачастую ограничивались запретом вести преподавательскую деятельность и дальнейшим полицейским надзором за нарушителями закона. Данный факт свидетельствует о некотором расхождении законодательства и его реального воплощения. Можно предположить, что причины данного явления заключались в том, что на местах, в частности в Пермской губернии, образовательная деятельность старообрядцев не рассматривалась как распространение раскола, если в домашних школах обучались исключительно дети старообрядцев. Однако если среди учащихся нелегальных школ были дети православного вероисповедания, то это могло стать основанием для начала уголовного преследования. Вместе с тем в уголовном законодательстве второй четверти XIX в. не регламентировался порядок действий властей в первом и втором случаях. Данная ситуация приводила к тому, что решения по каждому отдельному делу могли зависеть от возможности властей собрать достаточное количество доказательств о фактах обучения старообрядцами и от отношения местных властей к представителям старообрядческого сообщества, которое могло быть как непримиримым, так и лояльным.

Обучение детей основам вероучения являлось важным механизмом воспроизводства и сохранения конфессиональной традиции старообрядцев. Закономерной реакцией старообрядцев на ограничение государством их прав в области образования стало стремление сделать обучение еще более тайным и скрывать его как от местных властей, так и от иноверцев. Все это усугубляло и без того напряженные государственно-старообрядческие отношения и создавало предпосылки для борьбы старообрядцев за обретение прав в области образования во второй половине XIX в.

Расширение гражданских прав старообрядцев началось в «эпоху великих реформ» Александра II. Правительство «царя-освободителя» постепенно отказывалось от прямых преследований и притеснений старообрядцев, а в качестве основного способа решения проблемы раскола чиновники выбрали методы и средства просветительской работы [18, с. 182]. Чиновник Министерства внутренних дел Н. В. Варадинов отмечал, что просвещение являлось «единственным средством, единственным орудием против заблуждений

как религиозных, так и гражданских». По его мнению, просветительская деятельность должна была разворачиваться постепенно: сначала необходимо было распространять грамотность, чтение, а уже затем просвещать религиозных отщепенцев [1, с. 53—55]. Другой чиновник указанного выше ведомства П. И. Мельников в докладной записке министру внутренних дел писал, что старообрядчество должно «со временем уничтожиться, когда просвещение проникнет в низшие слои народа. Перед светом общечеловеческого образования не устоять расколу, если не будут воздвигаться на него новые преследования и новые гонения» [15, с. 559].

Смягчение официального правительственного курса прослеживается в законодательстве об образовании ревнителем древнего благочестия. Императорский указ от 20 января 1858 г. позволял детям старообрядцев обучаться в общих учебных заведениях вместе с детьми господствующего исповедания [31, с. 533]. В законодательстве указывалось, что совместное обучение детей старообрядцев с детьми православного исповедания должно способствовать ослаблению раскола [31, с. 583].

В феврале 1864 г. по инициативе министра внутренних дел был учрежден Особый комитет по делам о раскольниках. Руководителем комитета был назначен управляющий II отделением Его Императорского Величества Канцелярии граф В. Н. Панин. Задачи комитета заключались в пересмотре действующих законов о старообрядцах. Особое внимание уделялось вопросу образования. Подавляющее большинство членов комитета считало, что развитие грамотности старообрядцев — одно из средств ослабления их заблуждений. В частности, чиновники предлагали разрешить раскольникам «менее вредных сект» учреждать школы грамотности, подконтрольные Министерству народного просвещения. В этих школах допускалось преподавание чтения, письма и четырех правил арифметики. Содержание школ предполагалось осуществлять на средства старообрядцев без поддержки казны. Поступали предложения о том, чтобы освободить детей старообрядцев от обязательного изучения Закона Божия православного исповедания [31, с. 612—613]. Но эти инициативы не вошли в утвержденное в 1864 г. «Положение о начальных народных училищах». Тем не менее право старообрядцев получать образование в общих учебных заведениях страны было законодательно подтверждено. В Положении 1864 г. указывалось, что в начальные народные училища принимаются дети всех сословий без различия вероисповедания [27, с. 1342—1350].

Ряд частных уступок старообрядцам в отношении их образовательной деятельности правительство сделало в 1860-е гг. В 1864 г. на Рогожском кладбище в Москве была открыта начальная школа для обучения детей старообрядцев белокриницкого согласия [32, с. 40]. В 1866 г. в Риге открыли Гребенщиковское старообрядческое училище. В соответствии с уставом школа содержалась за счет частных пожертвований. Учебная программа включала обучение чтению по книгам церковной и гражданской печати, чистописание и четыре правила арифметики, уроки ремесла и рукоделия [31, с. 628—631]. В 1867 г. начали действовать две школы в Херсонской губернии. Учителя этих школ должны были иметь официальное звание учителя и особое разрешение уездного училищного совета, который осуществлял надзор за учебной деятельностью [31, с. 639—643]. В 1868 г. купец, старообрядец белокриницкого согласия И. И. Шибаев учредил школу для обучения детей старообрядцев в Москве. В разное время в ней обучалось от 40 до 80 учеников. В 1869 г. по распоряжению Министерства внутренних дел полиция предписала учредителю закрыть школу без объяснения причин [23, с. 110].

В период правления Александра II педагогическая деятельность старообрядческих учителей по-прежнему рассматривалась властями как «распространение раскола», «сворачивание из православия в раскол». Зачастую подобные дела заканчивались тем, что

школы закрывались, а учителя обязывались давать официальную расписку властям о том, что впредь никого обучать не будут. Полиция устанавливала за учителями строгий надзор. А. С. Пругавин писал о случае в Красноуфимском уезде Пермской губернии. В Нижне-Сергинском заводе существовала домашняя школа для обучения детей старообрядцев. Учителем был Михай Алексеевич Попов. В школе обучалось 20 учеников. Когда о школе узнал местный священник, он настоял на том, чтобы становой пристав запретил Попову обучать детей [23, с. 122].

Распространенной практикой являлось обучение в старообрядческих школах детей православного исповедания. Примечателен случай, который произошел в 1866 г. в д. Губернской Екатеринбургского уезда. Местный крестьянин старообрядец Николай Фирсанов обучал на дому мальчиков чтению по старопечатным псалтырям. Екатеринбургский миссионер протоиерей Николай Смирнов сообщал, что в данной местности официально числилось только три дома, в которых не было детей старообрядцев мужского пола. Священник сделал вывод, что в школе обучались дети православных родителей, что свидетельствовало об уклонении в раскол. Духовная консистория поручила миссионеру «строго следить за действиями Фирсанова, и, если окажется хоть малейшее уклонение из православия, немедленно донести об этом». Архиепископ Пермский Неофит сообщил об этом случае губернатору Б. В. Струве. Губернатор предписал исправнику провести дознание о действиях крестьянина Фирсанова и, если донесение подтвердится, запретить ему заниматься обучением детей. В результате расследования исправник выявил, что Фирсанов не имел свидетельства на право обучения детей. С него взяли официальную расписку, в которой он брал на себя обязательство не вести преподавательскую деятельность. За старообрядцем устанавливался полицейский надзор [23, с. 122—123].

В 70-е гг. XIX в. права старообрядцев в сфере образования расширяются. В 1872 г. было введено «Положение о городских училищах» с поправкой, разрешающей старообрядцам не изучать в этих учебных заведениях Закон Божий [22]. Как отмечал Пругавин, «стремясь получить право на устройство своих школ, старообрядцы в то же время едва ли не в большей части случаев относятся без всякого предубеждения к существующим земским и иным народным училищам. Они не отказываются пользоваться этими школами и охотно посещают их» [23, с. 111].

В соответствии с докладом губернской управы Пермскому губернскому земскому собранию VI очередной сессии о начальных народных училищах Пермской губернии в 1872/73 учебном году в 292 школах обучалось 16 156 учеников, среди них православных — 15 576, раскольников — 509, магометан — 69, евреев — 2. Цифры, приведенные губернским земством, свидетельствуют о том, что отношение старообрядцев к государственной школе изменилось. Об этом же говорят и донесения учителей местных школ. Учитель одной из школ Красноуфимского уезда считал, что местные старообрядцы готовы отправлять своих детей в школу в случае, если им будет разрешено не посещать уроки Закона Божия православного исповедания. По словам учителя Шайтанской школы Красноуфимского уезда, в школе учились преимущественно дети старообрядцев. Из 50-ти учащихся школы православных было только двое, остальные происходили из семей единоверцев и раскольников. На содержание училища старообрядческая община переводила часть денежных средств. Число учащихся старообрядцев с каждым годом увеличивалось, и они исправно посещали уроки. Однако, как отмечалось в том же самом докладе, большинство старообрядцев в 1873 г. отправляли детей к своим учителям — «мастерам» и «мастерицам», обучающим по старопечатным книгам [25, с. 162—163].

В 1875 г. Александр II утвердил журналы Особого комитета по делам о раскольниках. Старообрядцы менее «вредных» согласий получали право организовывать элементарные

школы грамоты, а также не изучать курс Закона Божия в государственных школах. Школы дозволялось учреждать лишь старообрядцам-поповцам, которые были более лояльны к государственной власти. В разрешенных школах грамотности не допускалось религиозного обучения по старообрядческим канонам и давалось лишь элементарное образование [8, с. 28].

В эпоху контрреформ Александра III наиболее заметным мероприятием в сфере образования стало издание в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах». Согласно Правилам, церковно-приходские школы и школы грамоты отныне были подведомственны Синоду [21, с. 372]. Это обстоятельство существенно ограничило возможности старообрядцев учреждать собственные школы грамоты для обеспечения детей элементарным образованием.

В этот период многие представители старообрядческих предпринимательских династий содействовали развитию образования. Известный фабрикант Т. С. Морозов учредил в Покровском уезде Владимирской губернии школу для обучения детей старообрядцев. Он обеспечил ее необходимыми учебными пособиями, привлек к работе профессиональных учителей [23, с. 110]. На средства купца-старообрядца Н. А. Бугрова в 1888 г. с разрешения обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева была построена школа для обучения детей старообрядцев в д. Бугровке Нижегородской губернии. В ней наряду с общеобразовательными предметами учителя-старообрядцы преподавали Закон Божий, церковнославянский язык, крюковое пение [35, с. 88].

Несмотря на либерализацию конфессиональной политики, власти продолжали преследовать учителей-старообрядцев. В 1891 г. в Пермской духовной консистории рассматривалось дело о распространении раскола среди православных Мотовилихинского завода. Епископ Пермский и Соликамский Петр сообщал пермскому губернатору В. В. Лукошкову, что мастерской Воткинского завода Сарапульского уезда Вятской губернии Василий Константинович Крапивин распространяет раскол в школе среди учащихся. Из-за отсутствия доказательств судебное разбирательство по делу Крапивина не осуществлялось, но за учителем устанавливался секретный полицейский надзор [2, л. 1—2].

В среде старообрядцев существовало неоднозначное отношение к обучению детей в общих учебных заведениях. Так, в 1892 г. в Нижнем Тагиле состоялся съезд старообрядцев-беспоповцев, который постановил: «Аще кто может пребыти в древнем благочестии христианской веры, тот не должен иметь общения с еретиками (т.е. православными) и не отдавать в школы для обучения детей, где учат еретики по своим еретическим книгам». За нарушение этого постановления предписывалось отлучать от общества или очищать епитимиями [3, л. 21 об.].

Епископ Пермский и Соликамский Петр сообщал в 1894 г., что старообрядцы разных толков и согласий своих детей беспрепятственно отдают в начальные земские и церковно-приходские школы. По мнению епископа, раскол являлся порождением невежества, источником пополнения которого была такая же невежественная масса. Он отмечал, что церковно-приходские школы оказывали благотворное влияние на старообрядческий раскол. Старообрядцы даже таких старообрядческих центров, как село Шарташ, отдавали своих детей для обучения в школу [20, с. 65].

В отчете «О состоянии и численности раскола в Екатеринбургской епархии за 1900 г.» епархиальный миссионер отмечал, что большое значение для старообрядцев имел моральный облик учителя: «...они вряд ли отдадут своих детей в школу, о заведующем коей знают, что он курит, не соблюдает постов, на старообрядцев смотрит с презрением и это презрение к ним не стесняется выказывать и перед учениками в классе» [19, с. 161]. Све-

дения о численности учащихся-старообрядцев в учебных заведениях Пермской губернии в 1902 г. приведены в таблице 1.

Таблица 1

Численность учащихся-старообрядцев в училищах Пермской губернии в 1902 г.

Тип училища	Численность учащихся		
	старообрядцев	других вероисповеданий	общая численность
Частные училища	11 (1,5%)	741 (98,5%)	752 (100%)
Двухклассные городские училища ведомства МНП	9 (2,3%)	378 (97,7%)	387 (100%)
Двухклассные сельские училища ведомства МНП	505 (4,1%)	11 630 (95,9%)	12 135 (100%)
Одноклассные городские училища ведомства МНП	3 (0,3%)	796 (99,7%)	799 (100%)
Одноклассные сельские училища	11 (0,6%)	1657 (99,4%)	1668 (100%)
Городские училища, подведомственные училищным советам	59 (1,3%)	4313 (98,7%)	4372 (100%)
Сельские училища, подведомственные училищным советам	2600 (4,1%)	60 157 (95,9%)	62 757 (100%)
Воскресные классы для взрослых	4 (0,4%)	967 (99,6%)	971 (100%)
Общая численность учащихся	3202 (3,8%)	80 639 (96,2%)	83 841 (100%)

Составлено по: [24, с. 80—81].

Как свидетельствуют данные таблицы 1, лишь небольшое количество детей старообрядцев получало образование в официальных школах, они отдавали предпочтение домашним формам обучения под руководством грамотных «учителей» из своей среды.

Таким образом, государственная политика в отношении образовательной деятельности старообрядцев к концу XIX в. существенно смягчилась. Старообрядцы умеренных согласий получили возможность учреждать домашние школы грамоты на законных основаниях. Однако говорить о полной веротерпимости в этом вопросе было бы неправильно. Законы, преследовавшие образовательную деятельность старообрядцев радикальных беспоповских согласий, остались в силе. Разрешение обучать детей старообрядцев в общих училищах рассматривалось государством и церковью как способ борьбы с «невежеством» раскольников. Вместе с тем по-прежнему подвергались преследованию домашние формы обучения старообрядцев. Деятельность таких школ была под запретом, поскольку рассматривалась государством как распространение и соращение в раскол.

Подводя итог, необходимо отметить, что конфессиональная политика государства в отношении образовательной деятельности старообрядцев в XIX — начале XX в. испытала на себе все колебания правительственного курса. Стремление старообрядцев расширить масштабы своей образовательной деятельности сталкивалось с консервативными охранительными тенденциями. Позицию властей по отношению к старообрядческому образованию отличала непоследовательность. Даже в царствование Николая I, которое традиционно считается одним из наиболее дискриминационных периодов во взаимоотношениях старообрядцев с государством, мероприятия властей по отношению к старообрядческому образованию в отдельных случаях могли быть смягчены. Противоречивость конфессиональной политики государства свидетельствует об общей сложности старообрядческой проблемы.

Несмотря на действующие ограничения, патриархальный уклад жизни старообрядцев, их стремление к поддержанию своей конфессиональной идентичности способство-

вали сохранению традиций домашнего обучения. Нелегальная преподавательская деятельность старообрядческих учителей была направлена как на поддержание высокого уровня грамотности рядовых членов общин, так и на подготовку уставщиков, наставников для этих общин. Такое образование давало элементарный набор знаний и умений, главным образом навыки чтения и письма. В пореформенную эпоху актуальным становится системное образование. Не имея возможности дать такое образование в своей среде, старообрядцы умеренных согласий Пермской губернии были вынуждены отдавать своих детей на обучение в государственные школы. Вплоть до издания Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. права старообрядцев в сфере образования были ограничены.

Список использованных источников и литературы

1. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. 8-я дополнительная книга: История расколов по расколу. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел., 1863. 656 с.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 2. Д. 845.
3. ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 691.
4. ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 178.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 2. Д. 123.
6. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1572.
7. ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 30.
8. Ершова О. П. Роль Министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. 1996. Вып. 5. С. 26—30.
9. Ершова О. П. Старообрядчество и власть. Москва : Уникум-центр, 1999. 203 с.
10. Кельсиев В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 2. Лондон : Вольная русская тип., 1861. 298 с.
11. Керов В. В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М. : Экон-Информ, 2004. 654 с.
12. Костикова М. Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения в учебных округах Российской империи в XIX веке. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. 208 с.
13. Куприянова И. В. Школьное дело в старообрядческих сообществах Алтая в конце XIX — начале XX века // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 261—263.
14. Машковцев А. А., Машковцева В. В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и Православной церковью. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 219 с.
15. Мельников П. И. Очерки поповщины. Т. 7. М., 1976. 561 с.
16. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 556 с.
17. Нечаев С. Д. Дневник // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 742—752, 827—838.
18. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб. : Департамент общих дел, 1903. 340 с.
19. Отчет епархиального миссионера о состоянии и численности раскола в Екатеринбургской епархии за 1900 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Официальный отдел. 1901. № 9. С. 125—162.
20. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской епархии за 1894—1895 учебный год. Екатеринбург : Тип. П. Я. Сапожникова, 1896. 185 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1881—1913. Т. 4 : 1884 : От № 1934 — 2642 и Дополнения. СПб., 1887. 1267 с.
22. Положение о городских училищах. М. : Тип. класс при Набилк. учеб.-ремесл. уч-ще, 1875. 16 с.
23. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола. М. : Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 281 с.
24. Раменский А. П. Очерк народного образования в Пермской губернии в 1902 году. Пермь : Тип. губ. земской управы, 1904. 86 с.
25. Сборник Пермского земства, издаваемый Пермскою Губернскою земскою управою. Кн. 1—3. Пермь : Тип. Пермской земской управы, 1876. 583 с.

26. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Отделение первое. 1825—1839. Т. 2. СПб. : Тип. С. В. Балашева, 1875. 1576 с.
27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1876. 1433 с.
28. Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 909 с.
29. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 964 с.
30. Севастьянов И. М. Образовательная деятельность старообрядцев в период 1905—1918 годов : дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 287 с.
31. Собрание постановлений по части раскола. СПб. : Тип. МВД, 1875. 694 с.
32. Таранец С. В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1. Киев, 2012. 269 с.
33. Титова Е. И. Взаимоотношения власти и старообрядчества в вопросе образования в XIX—XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2012. 180 с.
34. Титова Е. И. Система образования у старообрядцев в Вятском регионе в XIX—XX веках. Киров : Археодоксия, 2016. 200 с.
35. Хвостова И. А. Государственная политика в сфере начального народного образования середины XIX столетия и школы старообрядцев в Нижегородской губернии // Система ценностей современного общества. 2011. № 20. С. 85—89.
36. Шкерин В. А. «Драгоценные заблуждения»: декабрист С. Д. Нечаев о старообрядчестве и сектантстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2006. № 1 (5). С. 24—36.

Поступила в редакцию 02.12.2020

Шишкина Елизавета Викторовна, младший научный сотрудник
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: shishkinaelizaveta13@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6019-1337

UDC 94(47)“18/19”

E. V. Shishkina

State-legal regulation of educational activity of Old Believers of the Perm province in the XIX — early XX century

The article analyzes the measures of the state-confessional policy of the Russian Empire in relation to the education of children of Old Believers in the 19th — early 20th centuries and their implementation in the Perm province. It is concluded that the religious policy of the state in relation to the education of the children of Old Believers was inconsistent and underwent all the fluctuations of the government course: from discriminatory measures in the second quarter of the 19th century until the softening of the policy of the authorities in the second half of the century. The conclusion is made about the ineffectiveness of prohibitive measures of the state in relation to teachers and schools of Old Believers, about a certain discrepancy in legislation and its application in the Perm province. The article provides data on the number of Old Believers' students in various schools of the Perm province at the beginning of the 20th century, which indicates that only a small number of Old Believers preferred education in state educational institutions to traditional home education.

Key words: state-legal regulation, educational activities of Old Believers, Old Believers' schools, confessional policy, Perm province, Old Believers.

Shishkina Elizaveta Viktorovna, Researcher
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 620990, Yekaterinburg, ul. S. Kovalevskoy, 16
E-mail: shishkinaelizaveta13@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6019-1337

References

1. Varadinov N. V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. 8-ya dopolnitel'naya kniga: Istoriya rasporyazhenii po raskolu* [History of the Ministry of the Interior. 8th supplementary book: History of schism orders]. St. Petersburg, Tip. Min-va vnutr. del. Publ., 1863. 656 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archives of the Perm Territory] (GAPK). F. 65. Op. 2. D. 845.
3. GAPK. F. 65. Op. 3. D. 691.
4. GAPK. F. 65. Op. 4. D. 178.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archives of the Sverdlovsk Region] (GASO). F. 43. Op. 2. D. 123.
6. GASO. F. 43. Op. 2. D. 1572.
7. GASO. F. 43. Op. 3. D. 30.
8. Ershova O. P. Rol' Ministerstva vnutrennikh del v formirovaniі gosudarstvennoi politiki v otnoshenii starobryadchestva v 60-e gg. XIX v. [The role of the Ministry of the Interior in the formation of state policy towards the Old Believers in 1860s]. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: history, culture, modernity], 1996, is. 5, pp. 26—30. (In Russian)
9. Ershova O. P. *Starobryadchestvo i vlast'* [Old belief and power]. Moscow, Unikum-tsentr Publ., 1999. 203 p. (In Russian)
10. Kel'siev V. I. *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh. Vyp. 2* [Collection of government information on schismatics. Issue 2]. London, Vol'naya russkaya tip. Publ., 1861. 298 p. (In Russian)
11. Kerov V. V. "Se chelovek i delo ego...". *Konfessional'no-eticheskie faktory starobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii* ["Behold the man and his work...". Confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2004. 654 p. (In Russian)
12. Kostikova M. N. *Veroispovednaya politika Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v uchebnykh okrugakh Rossiiskoi imperii v XIX veke* [Religious policy of the Ministry of Public Education in educational districts of the Russian Empire in the 19th century]. Kursk, Kursk. gos. ped. un-t Publ., 2001. 208 p. (In Russian)
13. Kupriyanova I. V. Shkol'noe delo v starobryadcheskikh soobshchestvakh Altaya v kontse XIX — nachale XX veka [Schooling in the Old Believers' communities of Altai in the late 19th and early 20th centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, 2014, no. 5 (48), pp. 261—263. (In Russian)
14. Mashkovtsev A. A., Mashkovtseva V. V. *Starobryadtsy i sektanty Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i Pravoslavnoi tserkov'yu* [Old Believers and sectarians of the Vyatka province in the second half of the 19th — early 20th centuries: relations with regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov, Raduga-Press Publ., 2015. 219 p. (In Russian)
15. Mel'nikov P. I. *Ocherki popovshchiny* [Essays on clericalism]. Vol. 7. Moscow, 1976. 561 p. (In Russian)
16. Mel'nikov F. E. *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoi (starobryadcheskoi) Tserkvi* [A Brief History of the Ancient Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul, BGPU Publ., 1999. 556 p. (In Russian)
17. Nechaev S. D. Dnevnik [Diary]. *Bratskoe slovo* [Brothers' word]. 1893. Vol. 2, pp. 742—752, 827—838. (In Russian)
18. *Obzor meropriyatii Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god* [Overview of the Interior Ministry's secession activities from 1802 to 1881]. St. Petersburg, Departament obshchikh del Publ., 1903. 340 p. (In Russian)
19. Otchet eparkhial'nogo missionera o sostoyanii i chislennosti raskola v Ekaterinburgskoi eparkhii za 1900 g. [Report of a diocesan missionary on the state and number of schism in the Yekaterinburg diocese for 1900]. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'nyi otdel* [Yekaterinburg diocesan vedomosti. Official part]. 1901, no. 9, pp. 125—162. (In Russian)
20. *Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramoty Ekaterinburgskoi eparkhii za 1894—1895 uchebnyi god* [Report on the state of parochial schools and schools of literacy of the Yekaterinburg diocese for the 1894—1895 academic year]. Yekaterinburg, Tip. P. Ya. Sapozhnikova Publ., 1896. 185 p. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3-e. 1881—1913. T. 4: 1884: Ot № 1934 — 2642 i Dopolneniya* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3rd. 1881—1913. Vol. 4: 1884: From no. 1934 to 2642 and Supplements]. St. Petersburg, 1887. 1267 p. (In Russian)
22. *Polozhenie o gorodskikh uchilishchakh* [Regulations on urban schools]. Moscow, Tip. klass pri Nabilk. ucheb.-remesl. uchilishche Publ., 1875. 16 p. (In Russian)
23. Prugavin A. S. *Starobryadchestvo vo vtoroi polovine XIX v. Ocherki iz noveishei istorii raskola* [Old Believers in the second half of the 19th century. Essays on the recent history of the schism]. Moscow, Otd. tip. t-va I. D. Sytina Publ., 1904. 281 p. (In Russian)

24. Ramenskii A. P. *Ocherk narodnogo obrazovaniya v Permskoi gubernii v 1902 godu* [Essay of public education in the Perm province in 1902]. Perm, Tip. gub. zemskoi upravy Publ., 1904. 86 p. (In Russian)
25. *Sbornik Permskogo zemstva, izdavaemyi Permskoyu Gubernskoyu zemskoyu upravoyu. Kn. 1—3* [Collection of the Perm Zemstvo, published by the Perm Provincial Zemstvo Board. Book 1—3]. Perm, Tip. Permskoi zemskoi upravy Publ., 1876. 583 p. (In Russian)
26. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Otdelenie pervoe. 1825—1839* [Collection of decrees on the Ministry of Public Education. Branch first. 1825—1839]. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. S. V. Balasheva Publ., 1875. 1576 p. (In Russian)
27. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of decrees on the Ministry of Public Education]. Vol. 3. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1876. 1433 p. (In Russian)
28. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Vol. 14. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii Publ., 1857. 909 p. (In Russian)
29. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Vol. 15. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii Publ., 1857. 964 p. (In Russian)
30. Sevast'yanov I. M. *Obrazovatel'naya deyatel'nost' staroobryadtsev v period 1905—1918 godov: dis ... kand. ist. nauk* [Educational activities of Old Believers in the period 1905—1918. Cand. Dis.]. Moscow, 2019. 287 p. (In Russian)
31. *Sobranie postanovlenii po chasti raskola* [Collection of resolutions on the part of the schism]. St. Petersburg, Tip. MVD Publ., 1875. 694 p. (In Russian)
32. Taranets S. V. *Staroobryadchestvo v Rossiiskoi imperii (konets XVII — nachalo XX veka)* [Old Believers in the Russian Empire (late 17th — early 20th centuries)]. Vol. 1. Kiev, 2012. 269 p. (In Russian)
33. Titova E. I. *Vzaimootnosheniya vlasti i staroobryadchestva v voprose obrazovaniya v XIX—XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The relationship between the authorities and the Old Believers in the issue of education in the XIX—XX centuries. Cand. Dis.]. Nizhnii Novgorod, 2012. 180 p. (In Russian)
34. Titova E. I. *Sistema obrazovaniya u staroobryadtsev v Vyatskom regione v XIX—XX vekakh* [The education system of the Old Believers in the Vyatka region in the 19—20th centuries]. Kirov, Arkheodoksiya Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
35. Khvostova I. A. *Gosudarstvennaya politika v sfere nachal'nogo narodnogo obrazovaniya serediny XIX stoletiya i shkoly staroobryadtsev v Nizhegorodskoi gubernii* [State policy in the field of primary public education in the middle of the 19th century and the school of Old Believers in the Nizhny Novgorod province]. *Sistema tsennostei sovremennoy obshchestva*, 2011, no. 20, pp. 85—89. (In Russian)
36. Shkerin V. A. “Dragotsennye zabluzhdeniya”: dekabrist S. D. Nechaev o staroobryadchestve i sektantstve [“Precious myths”: member of the decembrists movement S. D. Netchaev about the Old Belief and the sectarians]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii*, 2006, no. 1 (5), pp. 24—36. (In Russian)